

\* 3 МАР 1971

г. Баку

Газета № .

## ОЧЕРК

Когда и чувства  
и мысли близки

Они пришли в театр одновременно — в 1951 году. Он после стажировки в Москве, уже повидавший свет рампы, она после учебы. Он, уверенно бравшийся за большие партии; она, вчерашняя ученица, еще робкая. Он — Максуд Мамедов, гибкий, статный юноша с вьющимися волосами, она — Рафига Ахундова, изящная хрупкая девушка с большими глазами.

Их судьбы переплелись, вначале на сцене, затем и в жизни. Сценическое партнерство у них складывалось трудно: не всегда можно было найти общий тон в партиях, связанных между собой волей авторов балетов.

Но проходили годы. Теперь трудно было вообразить себя на сцене друг без друга. Трепетная, страдающая Гюль-янак и смелый, решительный Полад, нежная Айша, беззаветно любящая брата, и могучий, пламенный Мензер, мечтательная юная Аврора и романтический Дезире, беззащитная, доверчивая Жизель и бесхарактерный Альберт... Галерею образов, созданных ими, можно продолжить: Сарри и Ленни, Ширин и Фархад, Мальвина и Пьеро, Одетта и Зигфрид — всех ролей не вспомнить даже самим исполнителям.

Зритель принял их обоих. Сразу и с симпатией. В балетном спектакле главное — танец. Но танец, не согретый душевным теплом, — трюкачество. Можно делать наисложнейшие хореографические трюки, но если при этом не стремиться к внутреннему воплощению образа, образ тускнеет. Артист в этом случае делает просто механические, технически сложные движения.

РАФИГА АХУНДОВА не стремится удивить зрителя техникой танца. Она не удивляет, она покориет зрителя. Покоряет, глубиной чувства, сердечностью, искренностью. Это вообще редко кому дано. Это дороже. Пронести через три часа сценической жизни живой образ, со всеми его страстями, со всеми его радостями и страданиями может только большой артист.

Рафига Ахундова бережно несет сквозь эти долгие, долгие три часа ту искру, которую высекает в ее сердце вымышленная, но такая близкая ей героиня.

Многие любители балета помнят ее Гюль-янак из балета «Девичья башня». Артистка достигает в этом образе той кульминации выразительности, когда забываешь, что перед тобой не драматическая актриса, а танцующая балерина. Танец, не теряя своей хореографичности, сливается с драматизмом воплощения в единый, гармоничный образ.

Даже самые знаменитые балерины брались за роль Жизель с трепетом. И чего греха таить, далеко не каждая из них могла похвастаться успехом в этом двухактном балете.

Образ Жизель можно сравнить с Офелией Шекспира, с Батерфляй Пуччини, можно еще найти сравнения, но эти сравнения бесполезны.

Жизель — это Жизель. Рафига это знала, когда бралась за партию. В сцене сумасшествия Жизель даже много повидавший на своем балетном веку кордебалет не мог оторвать взгляда от Ахундовой. На сцене творилось чудо-чудо живого воплощения.

МАКСУД не сразу пробил себе дорогу в балетную элиту. Но пробив, держался этой дороги уверенно и надежно. Скоро он стал необходим, иногда незаменим. Он не возгордился, не почил на лаврах, не стал искать легких путей. Не каждая роль давалась сразу. Искать новых средств выражения и находил их.

Рафига и Максуд — не просто партнеры по сцене, не просто супруги. Они — друзья. И это большое, требовательное чувство не давало им покоя, не позволяло довольствоваться достигнутым.

Поиски, предложения, споры и, конечно же, думы о будущем привели их к единой мысли — не только воплощать образы, но и создавать, сочинять их. Так пришли они к новой для себя деятельности, к постановке хореографических спектаклей. Пришли не под старость, не под занавес сценической деятельности, а в самом расцвете лет.

Прийти к мысли легко, а воплощать ее... Как ставить спектакли — в

старых классических традициях или в новых, еще непривычных и малоизвестных красках?

Вот «Каспийская баллада»... Девушки, расположенные по четыре в ряд и слегка размахивающие руками, изображают волны. Ну, что ж — неплохо. Одни артисты становятся на плечи других — вышка. Двое поднимают и опускают ноги — нефтяные качалки. Это уже хуже. Но вот искра. Горит нефть, море пылает, бушует пламя. Хорошо! Проявилась динамика; действие, сжатое как пружина, взрывается.

Эта экспрессия получает свое буквально скачкообразное развитие в следующем одноактном балете «Тени Гобустана». Первообытные люди, обезумевшие от страха перед природой, перед ее грозными силами — тьмой, холодом, бурями; люди, тянущиеся к солнцу и льнущие к огню, источнику жизни; люди, творящие искусство, великое искусство танца, еще неосознанного, но уже полного жизни, радости и оптимизма.

Следующая страница биографии — «Азербайджанская сюита», небольшая, но прелестная хореографическая пьеса.

Планы, планы, планы... И вдруг — приглашение в Париж, на седьмой Международный фестиваль танца. Это как гром в чистом небе. Представлять советское искусство во Франции, на родине балета, когда и стаж-то балетмейстерский всего-навсего два года. Но мастера французского балета, предвзвешенно смотрелившие все три постановки Ахундовой и Мамедова в Баку, до-

брожелательножима-ли им руки — «се бьен» — «это хорошо».

И вот Париж. Несмолкающие аплодисменты. Нанси — то же самое. Амьен, Люксембург, Монте-Карло, Экс-Прованс, Ле-Креззо. Аплодисменты, цветы, улыбки, интервью, рецензии.

«Фигаро» пишет: «Отныне мы знаем, как танцевать в Баку. Приглашенный на 7-й фестиваль танца балет Азербайджана останется в нашей памяти как образец профессиональной ответственности и скромности».

«Орор»: «Балет «Каспийская баллада» представляет собой приятный балет, который достаточно свежо... и восхищает своим ансамблем».

Журнал «Монте Карло»: «Тени Гобустана» — это балет сильных желаний».

Статей было много, приятных, волнующих. Но самым волнующим было вручение посланцам Баку диплома, на котором написаны слова, радостно шепчущие сердца даже маститых хореографов, много лет отдавших сочинениям спектаклей, — «Азербайджанский балет удостоен приза университета Академии танца за 1970 год».

Награда получена в Париже. Другая награда ждала их по возвращении в родной Азербайджан. Звание народных артистов республики. Это было достойной наградой, наградой республики, высоко оценившей их труд.

Они еще молоды, они полны желания творить, создавать новое в том удивительном искусстве, которое зовется балетом.

Кямал ГАСАНОВ.